Я-АЛЬБИНА

Маргарита Казакова

Маргарита Казакова
Я – Альбина

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72455560
ISBN 9785006791893

Аннотация

«Лерка-Мерка» – так зовут её в школе. Унизительное прозвище выжгло болью даже родное имя. Отчаявшись, Лера находит спасение в легенде о бесстрашной Альбине и решает: теперь она – Альбина. Но школа и родители встречают её манифест насмешками, гневом и непониманием. Щит нового имени спасает от травли, но тяжелеет с каждым днём. Смогут ли близкие услышать её крик о помощи? И сможет ли Лера-Альбина собрать осколки своей идентичности в целое?

Содержание

Глава 1: Лерка-Мерка 5
Глава 2: Зарождение Альбины 11
Глава 3: Манифест 18
Конец ознакомительного фрагмента. 24

Я – Альбина

Маргарита Казакова

Дизайнер обложки Маргарита Расуловна Казакова
Верстка Виктор Олегович Герасимов

© Маргарита Казакова, 2025
© Маргарита Расуловна Казакова, дизайн обложки, 2025

ISBN 978-5-0067-9189-3
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1: Лерка-Мерка

Школьный звонок прозвенел как похоронный колокол. Лера замерла у дверей класса, вжавшись в шершавую стену. Изнутри доносился гул голосов – смех, визг, грохот сдвигаемых стульев. Обычный утренний хаос. Но для нее это был звук приближающейся бури.

«Просто войди. Просто сядь за парту. Не обращай внимания…»

Она вдохнула запах пыли, мела и чего-то кисловатого, всегда витавший в школьных коридорах, и толкнула дверь. Шум не стих, но несколько пар глаз тут же устремились на нее. Кто-то хихикнул. Лера почувствовала, как жар разливается по щекам. Она потупила взгляд и быстрыми шагами направилась к своей парте у окна, в последнем ряду. Ее островок. Ее крепость. Хлипкая.

– О, смотрите, кто припёрлась! Лерка-Мерка опоздала! – раздался громкий, нарочито-веселый голос от первой парты. Это был Глеб, неформальный лидер их «веселой» компании. Коренастый, с вечной ухмылкой.

– Мерка-Мерка, что, опять проспала? Или зеркальце разбила, красавица? – подхватила его тень, тощая и вертлявая Маринка. Ее смех был резким, как скрежет стекла.

«Лерка-Мерка». Эти два слова, слипшиеся в одно уни-

зительное прозвище, вонзились в Леру, как всегда, остро и неожиданно. Откуда оно взялось? То ли от фамилии, то ли еще в начальной кто-то ляпнул, а потом прилипло. Как жвачка на подошве. От него невозможно было отмыться. Оно звучало глупо, по-дурацки, и каждый раз, когда его произносили, особенно вот так – громко, нарочито, – Лере хотелось провалиться сквозь землю. Или исчезнуть. Стать невидимкой. Чем угодно, только не Леркой-Меркой.

Она молча села, стараясь не смотреть ни на кого. Достала тетрадь по математике. На обложке аккуратным, чуть угловатым почерком было выведено: «Лера Меркулова». Каждая буква казалась ей сейчас клеймом. Позорным знаком. Она быстро сунула тетрадь под учебник, будто пряча улику.

Урок начался. Учительница, Анна Петровна, строгая и вечно уставшая женщина, пыталась объяснить новую тему. Лера старалась сосредоточиться, водила ручкой по полям тетради, выводя бессмысленные завитушки. Но мысли возвращались к прозвищу. Оно звенело у нее в ушах. «Лерка-Мерка…

Лерка-Мерка…» Казалось, оно висит в воздухе, готовое сорваться с чьих-то губ в любой момент.

И сорвалось. Когда Анна Петровна вызвала Леру к доске решать уравнение. Она встала, ноги ватные. Прошла между рядами, чувствуя на себе десятки глаз. У доски взяла мел. Рука дрожала.

– Ну, Меркулова, давайте, – нетерпеливо сказала учитель-

ница. – Времени мало.

Из третьего ряда кто-то громко прошептал, но так, что слышала вся половина класса:

– Давай, Лерка-Мерка, не подведи! Покажи свою меркантильность!

В классе сдержанно захихикали. Анна Петровна строго огляделась, но не стала выяснять, кто это был. Лера стояла у доски, мел так и завис в воздухе. Уравнение, которое она вроде бы понимала дома, теперь казалось китайской грамотой. Цифры и буквы плыли перед глазами. Горло сжалось. Она чувствовала, как краска стыда заливает лицо, шею, уши. Она была готова расплакаться. От унижения. От бессилия. От этого дурацкого, прилипчивого, ненавистного имени-клейма.

– Не знаешь? – вздохнула Анна Петровна. – Садись. Два. Петров, иди сюда.

Лера шла обратно на свое место, спотыкаясь о ножку стула. Смешки теперь не сдерживались. Она уткнулась взглядом в парту, стараясь дышать глубже, чтобы не разреветься прямо здесь.

«Я ненавижу это имя. Ненавижу эту школу. Ненавижу себя…» Мысли крутились, как бешеные хомяки в колесе. «Надо сбежать. Уйти. Стать кем-то другим. Кем угодно…»

Звонок на перемену прозвучал как освобождение. Лера схватила портфель и первой выскочила из класса. Она не по-

шла в шумную столовую или на заполненный детьми двор. Она юркнула в самый дальний угол библиотеки, где между высокими стеллажами с пыльными книгами было тихо и почти безлюдно. Прижалась лбом к прохладному корешку какого-то толстого тома. Здесь, в полумраке, пахло старой бумагой и покоем. Здесь ее никто не звал Леркой-Меркой. Здесь она могла

мечтать о том, чтобы стать кем-то, кого никто и никогда не осмелится так назвать.

Дорога домой была ритуалом переключения. Шаг за шагом Лера сбрасывала с себя школьный панцирь страха и унижения. Она шла медленно, разглядывая асфальт, срывая листочки с кустов, стараясь не думать ни о чем. Особенно о завтрашнем дне.

Квартира встретила ее теплом и запахом свежей выпечки. Мама, Ольга Сергеевна, как всегда, встретила на пороге с тревожной улыбкой:

– Лерочка, ты как? Как день прошел? Голова не болит? Хочешь печенья? Я испекла твои любимые, с шоколадом.

Отец, Дмитрий Николаевич, выглядывал из-за газеты в гостиной:

– Привет, дочка. Ну что, воевала сегодня? – Его тон был шутливым, но в глазах читалась та же тревога, что и у мамы. Они знали, что в школе «не все гладко». Но знали ли они, насколько не гладко? Знают ли они про «Лерку-Мерку»?

Лера сняла куртку, повесила аккуратно.

– Нормально, – буркнула она в ответ на мамины вопросы, проходя на кухню. – Печенья возьму. Спасибо.

Она взяла тарелку с теплыми, ароматными печеньями и унесла в свою комнату. Мамин взгляд, полный заботы и непонятой тревоги, тянулся за ней.

В своей комнате Лера закрыла дверь. Она поставила тарелку на стол и упала на кровать, уткнувшись лицом в подушку. Запах домашнего уюта, печенья, чистого постельного белья – все это было таким знакомым, таким безопасным. И таким… чужим. Здесь ее звали Лерой. Просто Лерой. Но это имя здесь звучало как-то по-другому. Не так больно. Потому что здесь не было Глебов и Маринок. Но оно уже было отравлено. Отравлено школьными стенами, смешками, этим вечным, тупым «Лерка-Мерка».

Она подошла к зеркалу. Посмотрела на свое отражение: бледное лицо, темные круги под глазами от недосыпа и переживаний, вьющиеся, непослушные темно-русые волосы. «Лера Меркулова», – прошептала она. И почувствовала только горечь. Это имя не было ее. Оно было ярлыком, мишенью, источником боли.

Она отвернулась от зеркала, подошла к столу. Открыла новую, чистую тетрадь для черновиков. Взяла ручку. И замерла. Пальцы сами потянулись написать что-то на обложке. Но не «Лера». Что-то другое. Что-то красивое. Сильное. Неуязвимое. Имя, за которым можно спрятаться. Как за щи-

том. Щитом из звуков.

«Как бы мне хотелось… сбежать от себя…» – пронеслось в голове. Она отбросила ручку. Еще не время. Но семя было посеяно. Грязь школьных туалетов и сладкий запах маминого печенья смешались в ее сознании с одним навязчивым, режущим слух сочетанием звуков: «Лерка-Мерка». И тихим, едва зарождающимся вопросом: «А кто я на самом деле?»

Глава 2: Зарождение Альбины

Библиотека стала убежищем. Не только на переменах, но и после уроков. Лера задерживалась там все чаще, пропуская шумные сборища во дворе. Пыльные стеллажи, тихий шелест страниц, строгий взгляд библиотекарши Марьи Ивановны – все это создавало ощущение защищенности. Здесь ее не трогали. Здесь она могла дышать.

Она бродила между рядами не с какой-то конкретной целью, а просто чтобы убить время, отсрочить возвращение в мир, где ее звали так. Ее пальцы скользили по корешкам книг: учебники, советская классика, потрепанные приключенческие романы, сборники стихов. Ничто не цепляло. До тех пор, пока ее взгляд не упал на книгу, стоявшую чуть в стороне, на полке с надписью «Краеведение». Книга была необычной – толстая, в темно-синем переплете с вытесненным золотом узором, похожим на морозные кристаллы. Название гласило: «Женские судьбы Северного Края. Легенды и Были».

Леру потянуло к ней. Она осторожно сняла тяжелый том и принесла к своему привычному столику в углу. Книга пахла стариной и чем-то холодным, резким, как зимний ветер. Она открыла ее наугад. Страницы были пожелтевшими, шершавыми. Глаза скользнули по тексту, выхватывая обрывки фраз: «…суровая красота…", «…непокорный нрав…",

«…выстояла в одиночку против целого рода…».

И тут она увидела его.

Имя.

Альбина.

Оно стояло в заголовке небольшой главы: «Альбина из рода Белых Волков». Лера замерла. Сердце почему-то застучало чаще. Она прочитала имя еще раз, про себя, вслушиваясь в звучание. Аль-би-на. Три четких слога. Никаких «ер», никаких «ка». Звучало… сильно. Твердо. Как удар колокола. Как шаг по льду. Совсем не так, как ее собственное имя, которое казалось ей теперь каким-то хлюпающим, невнятным – «Ле-ра», «Лер-ка».

Она жадно вчиталась в историю. Альбина была дочерью вождя маленького северного племени. Когда враги убили ее отца и братьев, а мать и сестер захватили в плен, Альбина, которой было всего шестнадцать – почти как Лере! – не сбежала и не сломалась. Она ушла в глухие леса, выжила, научилась охотиться, стала сильной и бесстрашной. Годами она собирала силы, а потом вернулась. Не с войском, а одна, ночью. Хитростью, ловкостью и невероятной отвагой она освободила своих и отомстила за род. Ее прозвали «Белой Волчицей», но в легендах она осталась Альбиной. Непокоренной. Несломленной.

Лера перечитала историю несколько раз. Каждое слово об Альбине отзывалось в ней странным эхом – то ли надеждой, то ли завистью, то ли узнаванием чего-то глубоко спря-

танного в себе. Вот так бы. Вот так бы стоять одной против всех. Не плакать у доски, а действовать. Быть не жертвой, а воином. Не Леркой-Меркой, к которой липнет грязь и насмешки, а Альбиной. Чьим именем восхищались. Которую боялись. Которая победила.

Альбина.

Она мысленно произнесла имя снова. Оно обжигало губы своей новизной и силой. Оно было как глоток чистого, ледяного воздуха после духоты. Как щит. Как броня. Оно не имело ничего общего с унизительным «Лерка-Мерка». Оно было красивым, редким, взрослым. Оно звучало… как спасение.

В голове вспыхнула мысль, яркая и невероятная: «А если бы… меня звали Альбиной?»

Лера оглянулась, боясь, что кто-то прочитал ее мысли. Но вокруг было тихо. Только Марья Ивановна переставляла книги на дальней полке. Лера быстро закрыла том «Женских судеб», но имя уже жило в ней. Оно пульсировало где-то под грудью, теплое и тревожное.

На обратном пути домой она не срывала листочки с кустов. Она шагала быстрее, повторяя про себя, как заклинание: «Альбина… Альбина… Альбина…» С каждым разом имя казалось все более ее. Оно отгоняло тени школьных коридоров, приглушало эхо смешков. «Я – Альбина», – рискнула подумать она, и по спине пробежали мурашки – не от страха, а от чего-то нового, волнующего.

Дома, пока мама хлопотала на кухне, Лера почти бегом прошла в свою комнату. Закрыла дверь. Ей нужно было увидеть это имя. Написать его. Убедиться, что оно реально.

Она достала из ранца новенький блокнот, купленный когда-то для важных записей, но так и оставшийся чистым. На обложке было написано «Дневник», но слово было мелким, робким. Лера открыла блокнот на первой странице. Взяла свою самую красивую ручку – с синими чернилами, которые чуть мерцали на свету.

Рука дрожала. Она замерла над белым листом. Сейчас. Сейчас она сделает это. Она напишет имя, которое может стать ее спасением.

Она вывела первую букву: «А». Крупную, уверенную. Потом «л» – с легким завитком. «Ь» – мягкий знак как легкое облачко. «Б» – полная, округлая. «И» – стройная. «Н» – надежная. «А» – завершающая, как твердая точка.

Альбина.

Имя лежало на странице, синее и совершенное. Лера откинулась на спинку стула, разглядывая его. Оно было красивым. Оно занимало пространство листа с достоинством. Оно не съеживалось, не пряталось. Оно было.

Она повторила его вслух, очень тихо, шепотом, который услышали только стены комнаты: «Альбина». Звук был незнакомым, но удивительно правильным. Он вибрировал в воздухе, наполняя комнату новой, неведомой доселе энергией. Не смехом, не плачем – силой.

Она снова посмотрела в зеркало. В отражении было все то же бледное лицо с темными кругами под глазами, те же непослушные волосы. Но теперь она смотрела не на «Леру Меркулову». Она смотрела на девушку, которая только что написала имя «Альбина». И в ее глазах, обычно потухших и испуганных, мелькнула искорка чего-то нового. Надежды? Вызова? Предвкушения?

«Альбина не плачет у доски», – подумала она, и уголки губ сами собой дрогнули в едва уловимой попытке улыбнуться. «Альбина не боится Глеба. Альбина сильная. Альбина знает, чего хочет».

Она перевернула страницу блокнота и снова написала: «Альбина». И еще раз. И еще. Заполняя строчку за строчкой. Каждое написанное имя было шагом в новую реальность. Каждая буква – кирпичик в стене, которую она строила между собой и болью старого имени. Это был ее секрет. Ее тайное оружие. Ее первая, робкая попытка стать другой.

Она представляла, как ее называют этим именем. Учительница: «Альбина, к доске!» – и она идет не опустив голову, а с гордо поднятым подбородком. Мама: «Альбина, иди ужинать!» – и в ее голосе нет привычной тревожной нотки, а есть уважение. Даже Глеб… она представляла, как он пытается крикнуть что-то обидное, но имя «Альбина» звучит так твердо и неприступно, что насмешка застревает у него в горле.

Фантазии разгорались, становясь ярче и детальнее. Она видела себя уверенной, спокойной, чуть загадочной. Девушкой, которую не сломить насмешками. Девушкой с именем как щит и меч. Альбиной.

Звонок на ужин вывел ее из грезы. Лера быстро закрыла блокнот и спрятала его в самый дальний ящик стола, под стопку старых тетрадей. Тайна. Пока что это была только ее тайна.

За ужином она была тише обычного, но внутри все кипело. Она украдкой смотрела на родителей. «Представьте, если бы вы знали… Если бы я сказала: зовите меня Альбина». Мысль казалась дикой, невозможной. Они бы не поняли. Они бы подумали, что она сошла с ума или издевается. Мама бы заволновалась еще сильнее, папа бы отмахнулся, как от глупой выдумки.

Но когда мама, как всегда, ласково сказала: «Лерочка, возьми еще котлетку», Лера вдруг ясно услышала в голове другой голос, произносящий другое имя: «Альбина, возьми еще котлетку». И это звучало… правильно. Так, как должно быть.

Вернувшись в комнату, она не стала доставать блокнот. Она просто села на кровать, обняла колени и смотрела в темный квадрат окна. Внутри нее теперь жили две девушки. Одна – Лера, забитая, запуганная, ненавидящая свое имя и школу. Другая – Альбина, только что родившаяся на страницах блокнота, сильная, несгибаемая, как та девушка из се-

верной легенды.

Лера еще не знала, что делать с этим открытием. Не знала, хватит ли у нее смелости на большее, чем тайно писать имя в блокноте. Но одно она знала точно: имя «Альбина» стало ее спасательным кругом в море унижения. Маленьким огоньком во тьме. И пока этот огонек горел, у «Лерки-Мерки» появился шанс не утонуть просто быть. Невидимой.

Глава 3: Манифест

Неделю имя «Альбина» жило только в блокноте, в мыслях и в шепотах перед сном. Оно было убежищем, тайной крепостью, куда Лера сбегала от реальности. Но с каждым днем крепость казалась все прочнее, а реальность – все невыносимее. Мысль уже не просто маячила на горизонте; она настойчиво стучалась в дверь сознания: «Скажи им. Скажи всем. Ты – Альбина».

Решение созрело внезапно и окончательно в пятницу, после особенно унизительного эпизода. На физкультуре Глеб «случайно» толкнул ее, когда она бежала эстафету. Лера упала, порвав штаны на колене и содрав кожу. Хохот одноклассников, ехидное: «Ой, Лерка-Мерка, опять в грязи? Тяжело с таким именем по жизни идти?» – и полное равнодушие учителя физкультуры. Она встала, не заплакав, но внутри все сжалось в ледяной, яростный комок. В этот момент она увидела себя не Лерой, спотыкающейся и падающей, а Альбиной, встающей после удара, холодной и непреклонной. Имя стало не просто щитом, а оружием.

Хватит. Сегодня.

Дома она не стала прятаться в комнате. Она стояла посреди кухни, пока мама, Ольга Сергеевна, хлопотала у плиты, помешивая суп. Отец, Дмитрий Николаевич, еще не вернулся с работы. Сердце Леры колотилось так громко, что, каза-

лось, его слышно через всю квартиру. Ладони были липкими от пота.

– Мам, – голос прозвучал хрипло, не ее. Она сглотнула. – Мам, мне нужно сказать тебе кое-что важное.

Ольга Сергеевна обернулась, сразу насторожившись. Увидев бледное, решительное лицо дочери, она выключила конфорку.

– Что случилось, Лерочка? Опять в школе? Ты ранена? – Она шагнула к дочери, инстинктивно протягивая руку, чтобы ощупать лоб.

Лера отступила на шаг. Этот жест, эта тревога, это имя – «Лерочка» – сейчас резали как нож. Они были частью той жизни, от которой она отчаянно хотела сбежать.

– Нет, не «Лерочка», – сказала она четко, глядя маме прямо в глаза. Внутри все дрожало, но голос, к ее удивлению, звучал твердо. – И не «Лера». С сегодняшнего дня… меня зовут Альбина.

Тишина повисла густая, тяжелая. Шум улицы за окном внезапно исчез. Ольга Сергеевна замерла, рука так и застыла в воздухе. Ее лицо выражало полное, абсолютное непонимание. Как будто дочь заговорила на незнакомом языке.

– Ч… что? – прошептала она. – Лера, что ты несешь? Альбина? Какая Альбина?

– Я не шучу, мама, – Лера сжала кулаки, чувствуя, как решимость подпитывается маминым недоумением. Это был

ее шанс. Ее прорыв. – Мне не нравится мое имя. Оно… оно ассоциируется только с болью и насмешками. «Лерка-Мерка» – ты ведь слышала, как они меня называют! Я больше не могу. Я выбрала себе новое имя. Альбина. Я хочу, чтобы меня так звали. Все.

Ольга Сергеевна медленно опустила руку. Непонимание сменилось тревогой, а затем и испугом.

– Лера, родная, это же… это же просто детские дразнилки! – залепетала она, голос дрожал. – Они пройдут! Все через это проходят! Но имя… имя дается при рождении! Это… это документы! Паспорт! Ты что, с ума сошла? Это же глупости! Глупости, вызванные стрессом! – Голос ее повышался, становясь почти истеричным. – Может, тебе к врачу сходить? Неврологу? Или психологу? Может, витаминов попить? Это же ненормально!

«Глупости». «Ненормально». «Стресс». Каждое слово било по Лере, как плеть. Но вместо того чтобы сжаться, она ощутила странный прилив сил. Они не понимают. Никогда не поймут. Но это ее решение.

– Это не глупости, мама, – сказала она, и ее голос зазвудел металлом. – Это мой выбор. Я – Альбина. И я прошу тебя называть меня так.

В этот момент в прихожей хлопнула дверь. Вернулся Дмитрий Николаевич.

– Что за шум? – спросил он, входя на кухню и снимая пальто. – Оль, что случилось? Лера, ты опять расстроила

мать?

– Она… она говорит… – Ольга Сергеевна не могла собраться с мыслями, тыча пальцем в дочь. – Говорит, что теперь она… Альбина! И чтобы мы ее так звали! Ты представляешь?!

Дмитрий Николаевич остановился. Его взгляд, обычно усталый и отстраненный, резко сфокусировался на дочери. Недоумение быстро сменилось раздражением.

– Что за бред? – отрезал он резко. – Альбина? Это еще что за выдумки? Хватит дурака валять, Лера! У тебя и так проблем хватает с учебой и поведением в школе, а ты еще и такое выдумываешь! Заканчивай эти глупости! Сразу же! – Его тон был не терпящим возражений. Командным. Как будто он мог приказать ей перестать чувствовать то, что она чувствовала.

Лера (Альбина!) ощутила, как внутри все сжимается от обиды и гнева. Но она не опустила глаза. Она посмотрела отцу прямо в лицо.

– Это не глупости, папа. И не бред. Я серьезно. Меня зовут Альбина. И я не прошу разрешения. Я сообщаю вам.

– Ты что, издеваешься?! – голос отца прогремел, заставив мать вздрогнуть. – Я тебе сказал: хватит! Никаких Альбин! Ты – Валерия Меркулова! И точка! Иди в комнату и займись уроками, а не ерундой! – Он махнул рукой, отворачиваясь, как будто разговор был окончен. Его реакция была проще,

грубее маминой, но от этого не менее болезненной. Полное отрицание ее чувств, ее права на выбор.

Лера стояла, как вкопанная. Горло сдавил ком. Слезы предательски застилали глаза, но она изо всех сил сжимала веки, не давая им прорваться. Альбина не плачет. Альбина стоит. Она резко развернулась и молча пошла в свою комнату. За спиной слышались взволнованные перешептывания родителей: «Что с ней?», «Надо что-то делать…», «Может, правда к психологу?», «Да брось, само пройдет! Выдумки!».

Дверь в комнату закрылась с глухим щелчком. Лера прислонилась к ней спиной, дрожа всем телом. Первая попытка провалилась. Родители не приняли. Не поняли. Назвали ее больную, измученную душу «ерундой» и «глупостями».

Но странное дело. Вместо того чтобы ощутить полное поражение и сдаться, она почувствовала… упрямство. Острый, как лед, осколок решимости. Они не хотят? Не верят? Ну и не надо. Она сказала. Она заявила. Это было главное. Она начала.

Завтра будет школа. И там она повторит свой манифест. Им все равно придется это услышать. Придется иметь дело с Альбиной.

Утром, собираясь в школу, Лера чувствовала себя как перед прыжком с высокой скалы. Страшно, но назад пути нет. Родители избегали разговоров, мама подавала завтрак молча, с красными, опухшими от слез глазами, папа хмуро чи-

тал газету. Имя «Лера» не звучало. Не звучало никакое имя. Это было своеобразной победой – они не решались назвать ее по-старому, но и принять новое не могли.

В школе напряжение нарастало с каждым шагом. На первом же уроке, когда учительница русского, Светлана Михайловна, стала собирать тетради на проверку, Лера достала свою. На обложке, поверх старого «Лера Меркулова», было крупно, ярко-красной гелевой ручкой выведено: АЛЬБИНА. Буквы были чуть неровные, но смелые, дерзкие.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.